

27.4.94.

Так уж повелось, во все времена настоящий художник тратил себя на искусство целиком. Часто нерасчетливо, не задумываясь о деньгах. Нищетой творца в нашей стране не удивишь. Труднее встретить в искусстве человека состоявшегося и состоятельного...

...Олег Табаков. Народный артист СССР. Люди среднего возраста знают его, как Олега Савина, молодые - как Вольфганга Моцарта. Те, кто ходит сейчас в школу, - как жителя деревни Простоквашино кота Матроскина. Любят все без исключения. Созданный им на улице Чаплыгина театр-студию в просторечии ласково называют «Табакеркой». Под его-то гостеприимной крышей я и познакомился с Олегом Павловичем...

Внешне он чем-то похож на хозяйственного Матроскина - в ворота полурасстегнутой рубашки виднеется полосатая матросская тельняшка. Да и в театре чувствуется рука хозяина. Все исправно, все действует, начиная с туалетов и заканчивая труппой. Разрухой, охватившей очаги отечественной культуры, здесь и не пахнет. В глаза бьет материальная состоятельность...

- Олег Павлович, в фильме «Шумный день» по пьесе Виктора Розова, борясь с прагматизмом, вы шашкой рубили мебель. С каким злом стали бы вы сражаться сегодня?

- Отождествлять актера с его героем - грубейшая ошибка. Мало ли что мне доведется играть - женщину, стул? Если пришлось бы снова рубить зло шашкой, я начал бы с двух человеческих грехов: беспамятства на родство и сделанное добро. Оба они ведут к оскудению и потере корней.

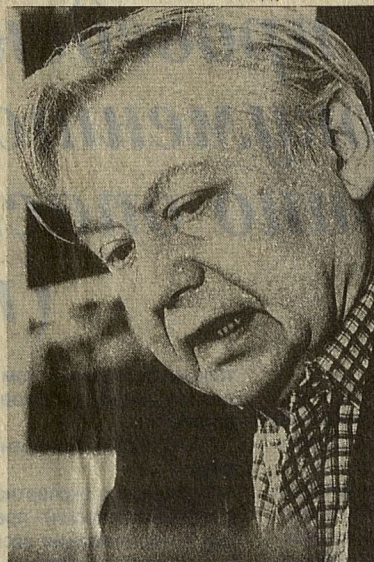
- Биография актера - это роли. Какие из них вы считаете самыми значимыми?

- Социологи утверждают, что идеал прекрасного меняется у человека каждые семь лет. Но мне, хотя иногда кажется, что с тех пор канула вечность, по-прежнему душевно близки такие герои, как Олег Савин из фильма «Шумный день», Искремас («Гори, гори, моя звезда!»), Илья Обломов. Каждую из этих ролей я вспоминаю с удовольствием, каждая кажется мне по-своему прекрасной.

Мастерская

Под крышей «Табакерки»

Рек. Вестн. - 1994. - 27 апр. - 66

Были и другие - роли, которые я мечтал сыграть и которые мне так и не достались. Например, Хлестаков. В Пражском театре я был им 32 раза в течение месяца. Несмотря на то, что я играл на русском языке, а местные актеры говорили по-чешски, успех был бешеный. Пожалуй, больше такого на мою долю не выпадало ни разу.

По статистике и генетике я актер чисто русский. Национальная драматургия, явственно произрастающая на русской земле из правдоподобия невероятно, мне близка и кровно необходима. С удовольствием играл бы Островского, Гоголя, Чехова, Сухова-Кобылина. Что ни пьеса, то роль для бенефиса!

Из тех пьес, в которых я занят сейчас, выделил бы четыре МХАТовских постановки - «Амадей», «Кабала святош», «Горе от ума» и спектакль «Ужин», поставленный совместно с моей студией. Большого позволить себе не могу. На мне лежит ответственность за тех, кто работает в театре-студии, тех, кому я преподаю. Оба эти дела отнимают уйму сил и времени. На пределе человеческих возможностей я живу с 22 лет, когда Олег Ефремов впервые возложил на меня бремя административных забот.

- Изменения в государственной жизни повлияли и на театр. Многие считают, что он находится в коматозном состоянии.

- Иногда действительно кажется, что государственные мужи изо всех сил стараются этого добиться. Первого марта меня известили, что государственное субсидирование новых постановок театра-студии будет прекра-

щено. Полтора года ни гроша не выделяют на учебные цели. Спасибо Инкомбанку. Его поддержка позволила платить зарплату актерам и части технического персонала, организовать в студии и в учебных классах бесплатное питание из расчета примерно по доллару в день на человека. Теперь по крайней мере не будет голодных обмороков.

- Выходит, в ходе гайдаровских реформ вы все-таки выстояли?

- Реформы оставили у меня впечатление, будто ударили мешком по голове. Векторы нравственности и социального прогресса разошлись в прямо противоположные стороны. Возрождения России можно достичь, если страна станет сообществом человеческих достоинств. Путь к этому лежит через материальные буераки. Преодолевая их, нужно помнить, что подлинную любовь и веру нельзя надолго купить ни за какие деньги. Если это понять, жить станет проще.

И все же, невзирая на материальные трудности текущего момента, я не хотел бы жить так и в том обществе, которое было у нас до 1985 года. Как ни странно, малопримечательные изменения в государстве породили в театре перемены, которые меня радуют.

В каждой подворотне выросли студии, как грибы после дождя. Конечно, это не надолго. В ходе естественного отбора уцелеют только те, которые способны глубоко и искренне показать цену изначальных человеческих ценностей: жизни и смерти, веры и предательства. Те, кто приложат много умения и понимания в постановках Чехова, Островского, Шекспира и Вампилова. Останутся театры-библиотеки, наподобие Комеди Франсез и Национального театра Великобритании. И, конечно, разведалька. Она тоже нужна людям!

Взыскующая русская душа - находка для театра. Отмена идеологических догм образовала в душе молодежи вакуум, и она, устав жить отрицанием, возвращается в зрительный зал в поисках прекрасного.

Изменилась и мотивация посещения театра. Раньше многие ходили в него, чтобы иметь возможность поддержать «светские» разговоры. Сознаться, что не видел престижную постановку, считалось постыдным. Сейчас иногда люди готовы отдать за билет на спектакль буквально последнее. Но не на тот, который хвалят, а тот, который выбрали сами.

- Перестройка наводнила театральный репертуар пьесами западных драматургов. Разве свои, до-

морщенные, писать разучились?

- Не все из пылившегося в отечественных закромах сегодня подходит. Солженицын? Платонов? Это та нравственная баня, пройти через которую можно только, глубоко заглянув внутрь себя. Маститые драматурги, такие, как Розов и Рошин, молчат. Новые, молодые авторы, пришедшие в театр в перестроечные годы, дали больше. Мы ставим три таких спектакля - драму Олега Антонова «Смертельное убийство», пьесы Алеши Богдановича «Нордост» и «Гольдони». Это выполненное в лучших традициях русского театра драматическое исследование феномена человека, новая правда, новая информация о нем. Пьесы такого плана мы будем ставить и в дальнейшем.

Я буквально болен идеей инсценировки повести М.Е.Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Как актуальны образы Порфирия Петровича, Любимы! Текст пока никто для нас не написал, на худой конец займусь этим сам. В конце концов я автор двух пьес, одна из которых не сходит с театральных подмостков 34 года. В известном смысле я неоклассик.

- Что собирается писать и ставить Табаков - драматург и режиссер, понятно. А каковы ближайшие планы Табакова-актера?

- В нашей профессии нужно иметь мужество и честность, чтобы не напасть на людей и вовремя уйти. Через пару лет, когда мне стукнет шестьдесят, оформлю пенсионную книжку. Тогда и подумаю, чем стану заниматься. Точно решил, что после 65 руководить театром перестану, а преподавать - не брошу.

- В начале нашей беседы вы говорили о возрождении России как великой державы. В чем видите вы ее величие?

- Каждый представляет это по-своему. Президент США, вероятно, воспринимает Россию, как великую страну, ибо с ее военным потенциалом хочешь не хочешь, а считаться приходится. Я вижу ее величие в другом. В слезах, которые льют ученики театральной студии Бостона, когда прощаются с МХАТовскими педагогами. Не испытывая голода и политических катаклизмов, сытые и здоровые, они тем не менее сильно недолюблены. Они плачут своими слезами, не теми, которые актеры вызывают, нюхая зажатую в кулаке ватку с нашатырным спиртом или закапывая в глаза глицерин. Именно это - ключ к познанию нашего национального богатства и величия.

Беседу вел Андрей ЛОТОВ.

Табаков Олег